

Денис Коваленко

**Стефан
Щербаковский**

Тюренченский бой

Денис Леонидович Коваленко Стефан Щербаковский. Тюренченский бой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70273648

SelfPub; 2024

Аннотация

Рассказ этот о первом сухопутном бое в Русско-японской войне, известный как «Бой на реке Ялу» или как «Тюренченский бой». Сегодня – это граница между Северной Кореей и Китаем. Тогда же, в начале XX века – граница Манчжурии (территория на которую претендовала Российская Империя) и Кореи (территория на которую претендовала Япония). Этот первый бой, как и все последующие бои, русская армия проиграла, как проиграла и саму войну. Но бой этот остался в истории благодаря 11-му Восточно-Сибирскому стрелковому полку, что штыковой атакой прорвался из окружения. Героем же этой атаки стал полковой священник Стефан Щербаков, что своим мужеством трижды поднимал полк на прорыв.

Содержание

Денис Коваленко Стефан Щербаковский. Тюренченский бой

«Бой у Ялу явился случайным
как для начальников, так и для войск»

Из донесения генерала Куропаткина императору Николаю II

Утром 18 апреля¹ 1904 года, 11-й Восточно-Сибирский стрелковый полк, в полном составе, в белоснежных гимнастерках², с винтовками с примкнутыми штыками, стоял в резерве в местечке Тензы, в пятичасовом переходе от Тюренчен, где располагались основные силы русской армии. Стоял на желтых холмах высокого берега реки Ялу, что разделяла землю Кореи от земли Северного Китая, называвшейся Манчжурией, а на картах России обозначенной как Желтороссия³. 11-й Восточно-Сибирский стрелковый полк, весь, до последнего солдата, стоял под этим утрене-розовым безоблачным чужим небом и слушал, как рвутся снаряды, как

¹ 1 мая по новому стилю

² Форма защитного цвета появилась в российской армии лишь в 1907 году, Япония одела своих солдат в форму цвета хаки в 1904-м

³ Земля эта юридически китайская, но с российским наместником во главе – генералом Евгением Ивановичем Алексеевым

стреляют ружья; слушал отдаленные крики чужой гортанной речи. Слушал и ждал.

– Николай Александрович, – капитан Иванов был возле своего командира, полковника Лайминга, так же, как и все – как и солдаты, как и сам полковник – слушал тревожные звуки боя. – Николай Александрович, – повторил капитан, – японцы, видно, переправились через Ялу.

– Слышу, – не взглянув на капитана, жестко ответил полковник. – Таков и был план Засулича⁴: заманить японцев на наш берег и лихой контратакой сбросить врага в реку. Всё идет по плану командования. Мы стоим и ждем приказа.

– Река широкая, – невольно возразил капитан, – можно было расстрелять противника на переправе. Зачем допускать его на нашу сторону?

– Довольно рассуждений, господин капитан, – ответил полковник, – мы солдаты, наше дело приказ выполнять.

– Господин полковник, посмотрите туда, – по другую руку от полковника, также в тревоге вслушиваясь и вглядываясь в желтые сопки, произнес полковой священник. – Вон туда, на те, дальние сопки. – И полковник, и капитан стали вглядываться, куда указал им священник. Небо чистое, сопки хоть и были в нескольких верстах, видны были отчетливо. Вверх по круче поднимались белые, чуть заметные точки: малыми бусинками они ползли вверх, скатывались вниз, поднимались, скатывались. – Это же наши солдаты.

⁴ Начальник Восточного отряда Маньчжурской армии

– Вижу, – уже сквозь зубы повторил полковник.

– Зачем они взбираются на сопку, когда враг у них за спиной, на берегу реки? – этот простой вопрос священника заставил полковника побагроветь.

– Батюшка, – крайне сдержанно отвечал он, – должно быть, таков приказ командования – заманить японцев на сопки.

– Но их убивают, – это священник сказал совсем беззвучно и невольно перекрестился. – Зачем они туда? И наши пушки молчат.

– Видимо, подпускают японцев на прямую наводку, – полковник отвечал, но и по тону было слышно, что он сам ничего не понимает.

Так, в этом ожидании, в этом созерцании далекого боя прошел час. Белые бусинки уже не двигались. Немногие поднялись на вершину. И весь склон, недавно песочно-желтый, точно расцвел подснежниками – так много осталось на нем этих неподвижных бусинок.

Поднимая клубы пыли, к полку с севера приближался всадник.

– Господин полковник, – всадник остановил своего коня прямо у ног полковника, – приказ Засулича – вашему полку идти в контратаку и опрокинуть японцев в реку, – передав приказ, вестовой не медля развернул коня, и точно его и не было.

– Пришел наш час, – ничего не понимая – зачем контрата-

ка, почему, где все наши полки? – но услышав, что и его полку пора вступать в дело, полковник перекрестился. – Отец Стефан, – он вдруг весело, в предвкушении боя, посмотрел на священника, – благослови солдат!

Священник, молодой, двадцатидевятилетний, с густой копной длинных волос, увидев веселый взгляд полковника, сам улыбнулся. Развернулся к солдатам.

– Братья! – воскликнул бодро. – Пришел наш час!

И под гром далеких взрывов, полковой священник отец Стефан прочел молебен перед боем. Солдаты, сняв шапки и склонив головы, слушали, многие повторяли молитву.

– Благослови нас, Господи, победой! – воскликнул отец Стефан, и крест вознес над головой. – Господи, умилосердись над грешными нами, благослови и помоги нам! – обе его руки протянулись к небу, и весь полк, следуя за руками своего полкового священника, обратился взглядами к небу – чистому высокому небу неизвестной им земли. Но раз они здесь, раз их благословенный Богом царь привел их на эту землю, значит на то воля Божья. В каждом полку, еще в России, солдатам читали манифест их государя, Николая II, где ясно было сказано, что наш император хотел мира и спокойствия на Дальнем Востоке, а японцы не хотели, и напали на наше Отечество, и «потому с непоколебимою верою в помощь Всевышняго и в твердом уповании на единодушную готовность всех верных Наших подданных Царь призывает встать вместе с Ним на защиту Отечества, призывает благо-

словения Божие на доблестныя Наши войска армии и флота»⁵.

И плакаты на каждом городском и сельском рынке продавались, а на плакатах русский солдат пинком под зад японца, а тот до самой Японии кувырком. А казак нагайкой японца – да по заду, а матрос нос японский саблей отрубает. И вообще япошки эти безбожники, а потому духа в них святого нету, и от одного вида русского штыка они в страхе бегут – вот что знали все солдаты 11-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. Знали, что японцев англичане к войне подстрекали, что без англичан они никто и звать никак. Всё это солдатам и офицеры, и священники растолковали. С тем солдаты и шли в Манчжурию, с тем и стояли вот уже полтора месяца на этом высоком берегу этой огромной как Волга реки Ялу. Слышали солдаты, что сам главнокомандующий Куропаткин, когда съездил в эту Японию и посмотрел, как там солдат готовят, царю рассказал, что японский солдат Богу не молится и молитв не знает. А без молитвы солдат – не солдат, а одно название.

А в контратаку они сейчас пойдут, чтоб пинками в Ялу загнать этих иноверцев. И загонят! А то, как без них, славных солдат 11-го полка, и обойдутся? Как они пропустят такое веселье – японцев шапками закидать?!

Потому и заманили славные командиры японцев на берег, чтобы их потом да и в реку!

⁵ Из манифеста о начале войны с Японией

Так весело, подбадривая себя, говорили меж собой солдаты – ни один из них живого японца в глаза не видел, только на плакатах и карикатурах, ни один из них представления не имел, что происходит на берегу. Белые бусинки на дальних сопках если и разглядели, то те, кто в первом ряду стояли, а и разглядели, значения не придали. Настолько был высок боевой дух в 11-м стрелковом.

На двести километров растянул фронт вдоль высокого берега реки командующий, генерал Засулич. За полтора месяца стояния на реке не провел он ни одной разведки и не поставил ни одного правильного укрепления, до того презирал русский генерал японскую армию, впрочем, как и большинство русских высокопоставленных чинов⁶. Он сам себе придумал, как будет нападать враг, и по-другому быть не могло – он даже не представлял, сколько на корейском берегу японцев. И расставил отряды⁷ согласно тому, как ему виделся бой. На переправе поставил 12-й Восточно-Сибирский полк. Выше по течению – 22-й. На сопках артиллерию – все 78 пушек. За 22-м полком, на переправе, пулеметную роту. На

⁶ Английский военный консультант японской армии генерала Куроки, капитан Винсент: «Русские укрепления были самые первобытные. Расположение орудий на горах севернее Тюренчена было, можно сказать, совсем не прикрыто. Немного земли было насыпано около орудий, но не орудийных окопов, закрытия для прислуги не было вовсе. Пехотные окопы вдоль подошвы гор были просто бруствера из нарезанного здесь же дерна. Они были одеты ветками без всякой попытки к маскировке, не имели никаких искусственных препятствий впереди, не давали укрытия для голов и мало защищали от шрапнельного огня».

⁷ Полки, сформированные в Сибири, и все именуемые Восточно-Сибирскими.

юге, вниз по течению – 10-й полк. За ним кавалерию; и резерв. Полки поставил так, что ни один полк помочь другому никак не мог – несколько часов пути разделяли отряды. И никакой между ними связи. И потому 11-му резервному полку оставалось думать и гадать, что происходит там – на крутом берегу. А на крутом берегу давно был враг. А 22-й полк отступил без боя и был расстрелян на склоне сопки, оставшись лежать белыми бусинками среди маньчжурской травы и кустов. А артиллерия наша молчала, потому что и артиллеристы наши отступили по приказу, оставив японцам пушки. Пулеметчики – все полторы сотни – погибли или попали в плен. А кавалерия отступила, даже без приказа, а по желанию своего командира. И вся русская армия, что осталась защищать крутой берег – это они, солдаты 11-го полка. И сейчас им приказано идти в контратаку и сбросить японцев в реку. А японцев тех на обоих берегах – 45 тысяч. И два полка с пушками, что переправились, преследуют отступающие по приказу командования русские полки. И сейчас 11-й полк, вот в эту самую минуту бросится в контратаку против двух полков. Ничего этого не знали солдаты 11-го Восточно-Сибирского. Помолясь, с радостным сердцем они ждали сигнала к атаке.

– Оркестр! Марш! – полковник прокричал приказ задорно, точно ему не шестьдесят, а двадцать, и он – молодой солдат, штурмующий чеченский аул.

Оркестр вдарил марш! Вторая ему, весь полк, с чувством

запел, содрогая маньчжурскую землю гимном «Боже царя храни».

Полк, державным шагом, выставив штыки вперед, шел опрокидывать японцев в реку. Первым, с обнаженной саблей, сам полковник Лайминг, по правую руку от него, с крестом в руке, полковой священник отец Стефан. И он, с полными глазами слез пел гимн, в сердце своем славя Имя Господне. Это был первый его бой, первая атака. Третий год, как окормлял он 11-й полк, внушая в солдатские сердца патристический героизм и любовь к Богу, царю и Отечеству. Третий год делил он с солдатами их походную жизнь: ел, спал – как ест и спит простой солдат. За то и полюбили его солдаты – за простоту и терпимость. Нравилось им, что когда по уставу они при встрече отдавали ему честь и называли «ваше благородие», он просто отвечал: «Полно братья, перед Богом мы все равны», – и благословлял приветствующих его солдат.

– Воинство бранное, – еще громче запел отец Стефан, – Славой избранное, Боже, храни! Боже, храни!

– Воинам-мстителям, – вторил ему полковник, – Чести спасителям, Миротворителям...

– Долгие дни! – перекрывая оркестр, пел полк.

Откуда прозвучали выстрелы, отец Стефан не понял. На полуслове споткнулись и упали, кто шел в первых рядах. На белых гимнастерках расплылись красные пятна. Еще залп. И еще с десятков гимнастерок окрасилось в красный. Одухотво-

ренные атакой и пением, русские солдаты не увидели одетых в защитную песочного цвета форму японцев.

– Огонь! – подняв саблю, прокричал полковник, сабля не успела опуститься, выпала из руки, полковник с пробитой грудью повалился на песок.

– Бросьте меня, спасайте знамя и себя! – прохрипел он, когда офицеры и солдаты склонились над своим командиром. Рассуждать и спорить времени не было – японцы давали залп за залпом, оттесняя полк к берегу реки.

Удивительно, но полк, шагавший к реке сбрасывать японцев в воду, сам вошел в ловушку – где справа крутой берег, а слева два японских полка, что преследовали и расстреливали отступавший 22-й Восточно-Сибирский. Ни русские, ни японцы не ожидали такого поворота. И японцы, развернувшись, нацелили свои винтовки на 11-й стрелковый, так удачно загнавший себя в окружение.

Сколько же их было?! Они прятались за кустами и за тысячу шагов сливались в своих песочного цвета гимнастерках с песком маньчжурских сопок. Полк, рассредоточившись, бил наугад. Отец Стефан вглядывался и не мог отличить, кто стреляет по ним – точно по ним стреляли сами сопки, сама эта земля убивала их – кто пришел сюда защитить ее... защитить от вероломного врага, решившего оскорбить их царя и занести свой кривой меч над Россией! Невольно пригибаясь от пуль, отец Стефан склонялся над упавшими солдатами.

– Потерпи, брат мой, – говорил он раненому, – сейчас тебя вытащат, ты не останешься здесь, – рвал гимнастерку на полосы и затыкал рану, пытаясь остановить кровь. Он ходил от одного солдата к другому и перевязывал этими лентами пробитые руки, ноги, тела своих товарищей. Закрывал глаза убитым.

– Отец, я не хочу умирать, – слышал слова.

– Ты не умрешь, – отвечал, и закрывал ошалевшие, вдруг застывающие глаза.

– Батюшка, отпусти грехи...

– Именем Божиим... – и вновь его ладонь ложилась на глаза убитого и опускала веки. И крест касался синеющих губ. Сколько же боли. Сколько перекошенных смертью лиц – родных русских лиц.

– У меня кончились патроны!

– И у меня кончились!

– И у меня пусто!

Солдаты, прячась за кусты, холмики и камни, теперь не знали, что делать. Весь боезапас был расстрелян. А враг все стрелял и стрелял, каждую минуту раня или убивая солдат 11-го Восточно-Сибирского полка.

– А ну вас всех! – один солдат, а за ним еще с десятков прыгнули с крутого берега, покатались и вонзились в воды реки, надеясь найти в них спасение.

За спиной река, впереди – в тысяче шагах полумесяцем стоял враг. Полк был в полном окружении. И кончились па-

троны. И почти все офицеры убиты.

– В штыковую, братцы! – вскочил на возвышенность капитан Иванов. – Вперед соколы! Ура-а-а! – и первый бросился вперед, где среди кустов прятались японцы.

Поднявшийся полк – за ним. И отец Стефан вознеся крест – вместе со всеми – вперед на прорыв!

Сто шагов, двести, триста – бежать было не страшно. Вот уже виден враг.

Ну, давай же! Иди сюда! Отведай русского штыка!

Солдаты спотыкались, падали, но не было времени оглядываться, поднимать раненых, нужно добежать до врага и проткнуть его желтый мундир!

– Ага! – слышались крики – трусите! – желтые мундиры не побежали навстречу, нет, они пятились назад, посылая сотни смертоносных пуль.

Кто первым остановился, кто залег на землю, кто спрятался за холм, за камень? – не важно, теперь весь полк лежал на земле, пряча головы. Не добежать до врага. Слишком плотно и прицельно кладет он свои смертоносные пули. Бьет в грудь, в бока, бьет со всех сторон, а за спиной река, а за рекой тоже враг. Один путь – только вперед, к сопкам, где должна быть наша армия.

– От ты, япона мать! – ругались солдаты. – Не хочет в штыковую! Боится русского штыка!

Залег за куст и отец Стефан. Но и так пули попадали и убивали. Неужто погибнуть здесь, так, без покаяния?! Ну уж

нет!

– Оркестр! Марш! – не все сразу поняли, когда увидели, как их полковой священник поднялся в полный рост, вознес над головою крест и запел «Боже царя храни».

Несколько шагов отец Стефан прошел в одиночестве. И грянул марш. Оркестр – вернее, кто остался в живых – поднялся за своим полковым священником и заиграл марш.

– Боже царя храни! – запело со всех концов поднимающегося полка. И вскакивая, солдаты, обгоняя оркестр и отца Стефана, бросились во вторую свою атаку.

– Да что ж вы, как крабы, всё назад! – ругались солдаты, падали сраженные пулями и сжимали кулаки – неужели не добежать им до этих ненавистных японцев! Нет, не шел японец в рукопашную, пятился и стрелял. Сколько же у них патронов?! – ругались солдаты. Вновь полк (точнее, что от него осталось) упал на землю, закрывая головы и прячась за кусты и камни.

И вновь отец Стефан, шепча молитву и вознеся над головой крест, поднялся и зашагал под самые пули. И оркестр замолчавший, поднялся и заиграл марш. И солдаты, закричав «Ура!», бросились в третью атаку.

– Батюшка! Отец родной! – сразу несколько солдат подхватили отца Стефана – две пули к ряду вонзились в рясу и застряли – одна в плече, другая в груди.

– Вперед братья! На прорыв! – хрипом отвечал полковой священник и вознеся крест в здоровой руке, попытался еще

что-то сказать, но силы оставили его. Он обмяк в руках поддерживающих его солдат и ноги не слушались.

– От же вы, бесы косоглазые! – весть о том, что батюшка ранен, а может и убит, так разозлила солдат, что четвертая атака оказалась самой неистовой. И наконец-то! Достал штык! Проткнул ненавистный желтый мундир!

Как ворота распахнулись японские цепи. Как натянутый канат лопнули! Откатывались, отпрыгивали, бежали японцы, уклоняясь от несущихся на них острых штыков.

Прорвался полк. Вместе со знаменем прорвался! И отца Стефана вынес – на руках, как самое дорогое, что было сейчас в полку. Бережно несли своего батюшку солдаты, а кто не нес, тот бежал, шел рядом и закрывал своей грудью родное истекающее кровью тело.

Вот и спасительные сопки, а за ними свои родные русские солдаты. Они стояли и не могли помочь – не было такого приказа – помочь 11-му полку!

Но не важно. Враг позади. Полк среди своих. Раненых отнесли в полевой госпиталь, перевязали раны. Теперь вся армия отступала к Харбину. Японцы не преследовали. Они заняли высокий берег, они прогнали русских, они победили.

К четырем часам по полудню, Восточный двадцатипяти-тысячный отряд Маньчжурской армии под командованием Засулича, практически без боя, отступая, был разбит, и обращен в бегство. Лишь 11-й стрелковый вступил в един-

ственный бой этого странного первого сражения между русской и японской армиями⁸.

Когда капитан Иванов⁹ подавал свой рапорт (он из немногих офицеров остался жив в этой «контратаке»), он написал следующее:

«В бой я повел 156 стрелков. Убито 96, ранено 45, вышло целыми 15, в том числе и я, несмотря на то, что в течение пяти часов боя и четырехкратной атаки ни разу не присел или был закрыт чем-либо... только волей Бога возможно было сохранить меня. В Тюренченском бою наши восемь рот были окружены дивизией японцев. Видя неминуемую гибель или плен, полковник Николай Лайминг решил идти напролом... Бросился в атаку и пал героем. Последние предсмертные слова его были: «Бросьте меня, спасайте знамя и себя». Тела его японцы не нашли. Когда полковой священник отец Стефан Щербаковский, идя с крестом в руках, упал, раненый в руку и грудь, то полковой церковник Осип Перч, ни на шаг не отстававший от своего священника, поднял на руки отца Стефана и вынес из боя. Награжден Геор-

⁸ Потери русских: 55 офицеров, 2122 солдат убитыми, ранеными и пленными, 21 орудие и восемь пулеметов. У японцев, по их данным, погибли 1036 человек, 593 погребено русских, 1001 ранен. 448 пропали без вести или попали в плен. У японцев – 213 – убитых, 906 ранено, 10 пропавших без вести. Российское командование в донесении доложило в Петербург, что положили 4000 японцев.

⁹ Михаил Михайлович Иванов дослужился до чина генерала, воевал в Гражданскую на стороне белых. Был последним военным комендантом города Харбин. Умер в эмиграции в Харбине в 1935-м.

гиевским крестом. Полковое знамя было вынесено знаменщиком унтер-офицером Петром Минзарем под прикрытием взвода под командой подпоручика Богачевича».

Отец Стефан лежал на носилках, кровь перестала течь из перевязанных ран. Пули извлекли из его ослабевшего тела; преодолевая боль полковой священник, попытался поднять голову. Тяжело. Сознание мутное, небо над головой расплывалось в сумеречном тумане. Да, уже темнело. Отец Стефан повернул голову.

– Лежите, батюшка, – заметив это, остановил его солдат, что нес носилки, – скоро станция, паровоз, потом Харбин. Там госпиталь. Вас подлечат. И как новенький, – солдат шел, отгоняя сон; всё что говорил, говорил, как поют колыбельную, глаза его то закрывались, то распахивались, и свободной рукой он долго тер их. Отец Стефан, уже в который раз провалился в забытие. Остальные трое солдат, что несли отца Стефана на станцию, шли молча. Говорить было не о чем. Первый бой, и такое позорное бегство...

Очнулся он в санитарном вагоне. Длинные в два ряда нары, на нарах раненые солдаты. Плачь и скрежет зубов, вот что слышал отец Стефан. Солдат, что лежал напротив, стеклянными глазами смотрел в потолок.

– Отмучился бедняга, – санитар закрыл мертвые веки, поманил своего товарища. Скоро станция. Солдата вынесут из

вагона и закопают, где место найдут.

– Подождите, – разволновавшись, отец Стефан попытался подняться. – Зарыть православного человека без христианского напутствия. Нет, нет, это невозможно! – застонав, но пересилив боль, замолчав, он медленно сел на своей постели. Откашлялся. – Я пойду с вами. Нет, нет – не говорите ничего. Он выполнил свой долг перед Отечеством и заслужил, чтобы его похоронили по-человечески. Лучше помогите мне подняться. – Санитары не стали спорить. Они уже знали о героизме полкового священника 11-го стрелкового.

Поезд остановился. Через боль отец Стефан надел епитрахиль. Поддерживаемый санитарями и своим верным Осипом Перчем, церковником полковой церкви, вышел из вагона.

Пока санитары рыли могилу, полковой священник совершил чин отпевания.

Мертвого положили на покрывало, на котором он и умер, и опустили в могилу.

Отца Стефана, после отпевания, потерявшего сознание, внесли в вагон и бережно уложили на постель.

– Вот человечие-то, – глядя на спящего священника, произнес санитар.

– Да-а, человечие, – согласился его товарищ.

В третий раз отец Стефан очнулся в палате госпиталя города Харбин. Всю дорогу до госпиталя он спал или, пытаясь собрать свое растерянное сознание, проваливался в забытие.

Белый потолок, чистая постель, сестра милосердия в белом халате и колпаке с красным крестом. Увидев, что батюшка очнулся, она заботливо подбила ему под головой подушку.

– Всё слава Богу, батюшка, – улыбнулась. – Доктор вас прооперировал. Крови вы очень много потеряли. Но вы сильный, и Господь милостив. Вы поправитесь. Отдыхайте.

– Где я? – сухими губами, чуть слышно произнес отец Стефан.

– В лазарете Елизаветинской общины Красного Креста. В Харбине. Вы в безопасности. Отдыхайте, – все так же ласково отвечала сестра милосердия.

Шли дни. Отец Стефан уже мог самостоятельно подняться с постели и пройтись по палате. В коридор выходил поддерживаемый всё той же заботливой сестрой.

Что происходило на фронте, он не знал; спрашивал, но сестра отвечала, что всё хорошо, и больше ни слова.

Раненых не беспокоили подробностями войны. Впрочем, новые прибывшие раненые рассказывали, что всё плохо. Мы отступаем, несем потери. Ни одной выигранной битвы, ни одной победы. Говорили, рассуждали, во всем винили англичан. Порт-Артур сдали. Что было в Порт-Артуре, никто не знал. Весь гарнизон попал в плен. Никто из лежавших на белых постелях Елизаветинской общины Красного Креста, не знал, и, главное, не понимал, что происходит. Почему мы от-

ступаем, почему несем потери? Кто в этом виноват. Говорили, что главнокомандующий Куропаткин деньги, отпущенные ему на постройку укреплений в Порт-Артуре, пустил на строительство церквей. Пятьдесят одна гарнизонная церковь – вот на что пошли деньги, которые должны быть потрачены на строительство укреплений Порт-Артура.

– Богомолен наш главнокомандующий, – тихо говорили раненые. И недоброе звучало в этом «богомолен». Больно было отцу Стефану слышать это. Но он молчал. Нечего было ему возразить. Да и сил не было.

– Перед боем лично иконки нам раздавал, а патронов у нас меньше, чем у японцев. Лучше бы патроны раздавал, – шептали меж собой раненые.

– Братья, не гневите Бога, – не выдержал отец Стефан.

– А мы и не гневим, – ответил солдат, что рассказывал о нехватке патронов. – Только иконку в ружье не зарядишь. Мы, батюшка, ни разу так и в атаку не пошли. Вы, я слышал, в штыковую из окружения выходили? Что ж не стреляли?

– Нечем было, – отвечал отец Стефан.

– А потому, что у япошек 300 патронов на рыло, а у нашего брата – 150. Вот и весь сказ. И били нас японцы в основном в спину. Потому как нам бы в атаку, а нам приказ – отступать. Мы отступаем, а япошки нам в спину пули и картечь. Вон и у меня вся спина дырявая. Как только жив остался – не знаю. Вот такой сказ, – повторил солдат и замолчал.

Отец Стефан не спорил с солдатами. Слышал, сколько от-

чаяния в их голосах, нельзя было спорить с таким солдатским отчаянием – не поймет солдат.

Но больше всего разговоров было о причинах этой войны. Солдаты точно сейчас прозрели.

– А чего мы вообще полезли в эту Корею? – спрашивали себя солдаты. – Нам же говорили, что мы Отечество защищаем – что япошки на Россию напали. А где Россия – а где эта Корея.

– Манчжурия, – возражали.

– А какая разница? Манчжурия, Китай, Корея? А Россия где? Это я ногу потерял за что? За Корею с Китаем? За что я калекой стал? Кто мне ответит? За какими пряниками нас царь-батюшка загнал на эти сопки?

– Ты, видно, социалист? – был вопрос. – Слишком складно говоришь, – смотрел на безногого раненый в живот казак. – Видел я в столице вашего брата социалиста. Говорить вы мастаки. Иконку, да, в ружье не засунешь, только без Бога, без Его милости лежал бы ты со своей ногой в обнимку под сопкой. А ты вот здесь – на белой простыне.

– По Его милости, я бы сейчас обеими ногами за плугом шел. А на этой кровати я лежу по милости нашего генерала, который меня сорокалетнего мужика... У меня семь ртов – и одни девки! Мне их кормить, замуж выдавать, а меня за шкурку и сюда! Кто землю пахать будет? Девки? Сам ты социалист – морда казацкая! Знаем мы вас – вы мастаки безоружных нагайками хлестать! Наслышаны о вашей казацкой

удали!

– Да я тебе сейчас вторую ногу оторву! – чуть не взревел оскорбленный казак. – Да я... – казак хотел подняться, да резкая боль повалила его на постель, он лишь в злобе сверлил безногого мужика своим чернющим взглядом.

– Перестаньте, братья, – чуть слышно произнес отец Стефан, – не хватало, чтобы русские между собой ссорились. Бог всех рассудит.

– Посмотрим, – отвечал казак, и еще злобнее глянув на одиного «социалиста», отвернулся к стене. – Посмотрим, – повторил и закутался в одеяло.

Это утро оказалось каким-то особенным. Всем раненым поменяли постели, заправив совсем новое белье. В каждой палате поставили на окна вазы с цветами, полы отмыли до блеска. Все понимали – ждут высокопоставленную особу.

К полудню в палату, где лежал отец Стефан, со свитой вошел сам главнокомандующий Маньчжурской армией Алексей Николаевич Куропаткин. В парадном мундире и с орденами.

Он был весел и радушен. И все кто был рядом с ним – офицеры, врачи, сестры милосердия, все, так же, как и главнокомандующий, выражали радость.

Алексей Николаевич, статный, красивый, подошел к постели отца Стефана.

– Благословите, батюшка, – и склонился перед раненым

священником. Отец Стефан, перебарывая естественное смущение перед такой высокопоставленной особой, благословил главнокомандующего.

После простых вопросов о здоровье и погоде, Алексей Николаевич Куропаткин торжественно, в полной тишине принял из рук своего адъютанта коробочку. Открыл ее, и достал Георгиевский крест IV степени – серебряный крест, покрытый белой эмалью, которым награждали только офицеров и только за неустрашимую храбрость.

– Ваше мужество, которое вы проявили в этой смертельной контратаке, когда повели за собой полк – достоин большей награды, – сказал главнокомандующий. – Почту за честь вручить вам эту награду, – Куропаткин не сдержался и прослезился. – Позвольте, я лично приколю его к вашей груди, – он утер белой перчаткой слезу, и торжественно, под общее взволнованное молчание, приколот к груди полкового священника офицерский крест.

Отец Стефан сам еле сдерживал слезы от нахлынувшего волнения.

– Выздоровливайте, батюшка, – главнокомандующий неожиданно поклонился отцу Стефану. – Ждем вас в России. Думаю, сам император, отметит вас своей наградой¹⁰.

Такая милость и забота самогó главнокомандующего подействовала на всех присутствующих: прослезились все

¹⁰ В 1906 году отцу Стефану был вручен золотой наперсный крест на Георгиевской ленте. Так оценил его подвиг Государь.

офицеры, сестры милосердия и даже врачи, и раненый в живот казак прослезился.

Прошло время. Отец Стефан вернулся в Россию. Война с Японией была проиграна. Россия потеряла Порт-Артур, весь Тихоокеанский флот, отдала Японии половину острова Сахалин и всю гряду Курильских островов. Так завершилась «маленькая победоносная война», начавшаяся из-за передела сфер влияния в Китае и Корее, и закончившаяся революцией 1905-го года.

Отец Стефан в эти беспокойные годы, когда кровь лилась по улицам Санкт-Петербурга, Москвы и многих других городов России, в 1906-м поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию; окончил ее в 1910-м. Одновременно с учебой служил священником.

Впереди – Первая Мировая, и новые награды за неустрашимую храбрость: Орден Святого Владимира 4-й степени с мечами (26.12.1904); Орден Святой Анны 2-й степени с мечами (15.6.1905); Золотой наперсный крест на Георгиевской ленте из Кабинета Е. И. В. (1906). Орден Святого Владимира 3-й степени с мечами (6.11.1914 – за бои 30 июля 1914 г. у деревни Ваббельн и 6 августа 1914 г. при деревне Каушен). В 1914 году был представлен к ордену Св. Анны 1-й степени за участие в боях 24 сентября 1904 года, но представление было отклонено.

Оставаясь верным сыном России, отец Стефан не жалея

жизни, до конца был предан своему царю и своему Отечеству. После Октябрьской революции отец Стефан служил в родной Одессе. Далее его судьба не известна. По одним источникам, он был расстрелян в 1918-м Одесским ЧК, по другим – мирно жил вместе с женою в Советском Союзе и скончался в сане архимандрита в 1948 году.

Так или иначе, Стефан Щербаковский вошел в историю России, как единственный священник, получивший крест Святого Георгия за всю Русско-Японскую войну. И стал пятым и последним священником, удостоенным этой боевой офицерской награды.